

ело в войну сгорело дотла. Оно стояло на правом берегу Дона в линии неприятельских укреплений. Прорвать их можно было только в этом месте, поскольку и слева, и справа над рекой круто нависали меловые обрывы. Наша разведка установила, что жителей в селе нет. Оккупанты выгнали их с родных мест, и те расселились кто где: или по хуторам у знакомых и родственников, или в землянках, наскоро сооруженных в лесу.

А когда враг дрогнул и стал откатываться на запад, жители вернулись. Расчищали пепелища, заготовливали хворост; по озерам резали камыш, пока не растаял лед. Камыш шел потом на кровлю и даже для закладки простенков. Выбирали из руин кирпич и бережно складывали в сторонке, чтобы впоследствии соорудить хотя бы простенькую печь.

Весной 1943 года закипела работа. В течение двух лет старики, женщины и подростки село восстановили. Правда, вновь построенные жилища были примитивными. Они представляли собой небольшие избы из хвороста, глины, самана с соломенными или камышовыми крышами, с земляным полом. Даже дымоходные трубы сплетались из хвороста и обмазывались с обеих сторон толстым слоем глины. А кирпича едва-едва хватало на самую печку, в которой нужно было готовить пищу, включая выпечку хлеба.

Еще более примитивны были надворные постройки. Но они обязательно строились. Кормилицу-корову под открытым небом не оставишь. Естественно, необходим был погреб, и он сооружался из меловых блоков.

К 1956 году село таким и оставалось. Даже сельский Совет и правление колхоза располагались в одном здании, так же, как и крестьянские избы, имеющем земляной пол и по одной оконной раме небольшого размера. И выглядело все это таким вплоть до шестидесятых. Только тогда, по мере роста достатка среди колхозников, стали появляться первые различные новостройки. И все же селяне больше уделяли внимания созданию общественной производственной базы, строили животноводческие помещения, механическую мастерскую, возводили другие хозяйственные объекты. Понимали, что нужен достаточно прочный источник существования, без которого собственное надежное обустройство пока еще невозможно.

С самого начала своей председательской работы я старался поближе познакомиться с колхозниками, под каким-либо предлогом побывать у них дома, увидеть жизнь-бытьё каждого.

Как-то бросилась мне в глаза небольшого размера избенка с очень маленькими оконцами. Водитель объяснил, что живет здесь одинокая женщина. Во дворе она не появлялась, поэтому решил сам заглянуть к ней.

Постучал.

Ответа долго ждать не пришлось. Дверь отворила хозяйка и, не смущаясь, даже довольно любезно, пригласила войти.

Чтобы сразу разрядить обстановку и избежать излишнего напряжения и скованности, представил себя, сразу сказал о цели прихода — познакомиться и узнать, как живется-можется. Оказалось, хозяйке 81 год. Но чересчур дряхлой она не выглядела. Напротив, была подвижной, в какой-то мере энергичной, а в ее рассуждениях даже ощущался оптимизм, правда, в меру. Внешне выглядела опрятной, ухоженной, на ней была обыкновенная крестьянская одежда тех лет: кофта посконна да юбка суконна, на голове — чисто выстиранный белый платок, завязанный под подбородком, а для утепления — ватная стеганая жилетка. В избе чисто. Пол, хотя и земляной, выровнен, аккуратно подмазан глиной. На полу разостлан домашний изготовленный половичок, тоже чистенький и свежий. На оконцах вывешены ситцевые, с синими цветочками занавески. В кухонном углу (отдельно кухни не было) на скамеечке поставлено ведро с водой и кружка. А рядом аккуратно расставлена немудреная крестьянская посуда: пара чугунков; глиняные миска и горшок для каши; один или два глиняных кувшина для молока и несколько деревянных ложек, сложенных на деревянном подносе и укрытых чистой салфеткой.

Держала хозяйка молочную козу да пять курочек с петушком. После того как назвал себя, она тоже представилась:

— Меня зовут баба Васёна. А если по батюшки и с фамилией, как книжному полагается, то Василиса Стефановна Диканьская.

Присели. Разговорились. И постепенно хозяйка поведала о своей вдовой доле. Правда, рассказано было далеко не все. Значительная часть ее личной истории ею же самой оставалась не раскрытой то ли из-за скромности, то ли по принципу: не все выкладывай малознакомому человеку, хотя он и председатель колхоза. Было понятно одно, что овдовела она еще в годы Русско-японской войны. Растила дочку. Но та в четыре года заболела и, к великому горю матери, умерла. С тех пор так и осталась Васи-

лиса Стефановна одинокой. Была моложе — как могла перебивалась. А теперь, конечно, всем после такой войны нелегко; а ей в ее преклонном возрасте тем более: надо на зиму заготовить дрова, да не только заготовить, но и растопить печку, принести воду из колодца, да мало ли каких забот не возникает в крестьянской жизни. Все выполнять приходится самой. Поэтому предложение о том, что правление колхоза подберет молодую женщину для оказания помощи по дому, старой колхозницей было встречено с благодарностью.

— Если кто-то в зимнюю непогоду принесет ведро воды, для меня это уже большая помощь... — вздохнула она.

В тот же день я поручил одной молодой женщине оказывать Диканьской помощь, без которой обойтись нельзя: нарубить дров, растопить печь, принести воды, подоить козу, накормить ее, дать корм курам, убрать в избе и при необходимости приготовить простую крестьянскую еду для самой хозяйки. Все как будто наладилось и пошло так, как и хотелось бы. В конце концов, думалось, так и должно быть поставлено дело в колхозе: заботиться об одиноких людях — в этом одно из преимуществ коллективной жизни и коллективного хозяйствования. Дома для престарелых в то время существовали, но пробиться туда из деревни было не так просто. Учитывая такой первый опыт, было решено выявить всех одиноких старых колхозников, чтобы оказывать им хотя бы минимальную помощь, прикрепив к ним за определенную плату помощников.

О том, как пошли дела у Василисы Стефановны, информация поступала регулярно от, как бы мы сегодня назвали, «социального работника». Потом все реже и реже, а затем совсем прекратилась. Однажды спрашиваю:

— Ну как идут дела? Как баба Васёна?

Женщина сильно засмузилась, и я почувствовал, что в нашем добром деле что-то не сработало, произошло нечто неладное. Стал настойчиво расспрашивать. А она в ответ:

— Мне вам как-то неудобно было говорить. Я у бабушки давно не бываю.

— Что же случилось? — нетерпеливо интересуюсь, невольно испытывая неловкость от того, что вроде хотел как лучше, а потом упустил из виду и получилось так, как довольно часто в жизни бывает: добрый порыв вспыхнул, но из-за отсутствия обязательности и настоящего чувства долга погас. Слово, выпорхнувшее воробьем, улетело, не задержавшись в порослях обещаний. — Поссорились? Не сошлись характерами? И почему же вы мне ничего не сказали об этом?

Моя собеседница еще более засмузилась, опустила глаза и, сильно волнуясь, попыталась как-то объясниться:

— Мне показалось, что бабушку больше бы устраивало, если бы я не приходила. Работой-то моей она вроде и довольна. Но я заметила, что иногда она с какой-то тревогой посматривает в окошко и поторапливает, поторапливает меня уйти. А однажды причина открылась, когда я, набравшись смелости, напрямик спросила ее: возможно, мне не следует к Вам приходиться? Она обрадовалась, даже засмеялась как-то по-молодому и скоренько так согласилась: «Да, милая, не приходи сейчас, не приходи, пока я весточку тебе не подам, — а сама зарумянилась, меня поблагодарила, поцеловала. — Да председателю, девонька, не говори ничего, чтоб не осудил. Молодой — не поймет меня». А я вот не смогла скрыть от вас и все разглаголила. Стыдно мне.

— Ну а в чем же секрет? Почему не устраивает ее наше с вами внимание?

— Лучше сами с ней поговорите. А то я, бесстыжая, и так наболтала с три короба.

Не стал я все это откладывать в долгий ящик и отправился к бабе Васёне. Встретила она меня, как и раньше, приветливо и, как показалось мне, с какой-то внутренней радостью. Может быть, оттого, чтобы разъяснить ситуацию и разрядить создавшуюся неловкость. Но это все мне казалось. А как было на самом деле — сказать трудно.

В избе тепло, чисто прибрано. Хозяйка предложила мне снять пальто, видимо, заранее предполагала беседу небыструю, усадила меня на табурет, а сама села на скамеечке, прислонившись спиной к горячей лужанке.

Разговор начался сразу сам собой. Я спросил о случившемся, а хозяйка, не уклоняясь и не скрывая ничего, стала рассказывать о своей жизни и той ее части, которая, по обычаю, скрыта от посторонних глаз и сознательно не выставляется напоказ. При этом о самой деликатной стороне она говорила не торопясь, подбирая слова так, чтобы они выражали подлинное чувство двоих, уже пожилых людей. По-своему старалась сказать так, чтобы произнесенное было собеседником понято и сообразно существу его оценено без осуждения и, боже упаси, без осмеяния. Было видно по всему, что она впервые за всю свою жизнь, вынужденная обстоятельствами, сообщает постороннему человеку самое сокровенное из своей личной жизни, будто на исповеди. И потому старается сказать правду, ничего не утаив; и в то же время невольно облечь сообщаемое в такую форму, которая не подвергала бы ее жизнь презрению. Это был как раз *тот* случай, когда можно было бы предложить слушателям, если бы они присутствовали при нашем разговоре, бросить в нее камень, если они осуждают ее поведение. Желавшего бы наверняка не нашлось.

Это ведь теперь, когда пишутся эти строки, телевидение бесцеремонно и навязчиво, разнузданно и нахально выставляет на всеобщее обозрение то, что может быть достоянием только двоих. И вообще кощунственно без нужды вторгаться в личную жизнь людей. Не от высокой культуры газеты публикуют фотографии супругов с надписями о том, что эти люди счастливы в браке, верны друг другу, в любви — всю жизнь. Так и хочется сказать: люди, побойтесь Бога, хоть сюда-то не лезьте, ведь брак — великое таинство.

В общем, вдовья жизнь не сладка. Не только потому, что трудно одной вести хозяйство и обеспечивать какой-никакой материальный достаток. Она сложна ее одиночеством, незащищенностью, открытостью для подозрений и незаслуженных нападков и обвинений. Хоть спала, хоть не спала, да такая слава стала — поговорка как бы закрепляла общественное отношение к вдове. Почему? Да потому, что женщина, особенно деревенская, не имела самостоятельности, у нее не было специальности, независимого заработка, а впоследствии и пенсии. Овдовев, женщина становилась незащищенной со всех сторон. Отсюда нередко в ее адрес возникает подозрительность и необоснованные нападки.

Замуж выходила Василиса Стефановна за Захара Диканьского не по любви, а потому что родительская воля на то была. А любовь? «А как же, была», — с блеском в глазах рассказывает баба Васёна. Девушкой она была красивой, веселой, с прекрасным голосом первой певуньи на селе. Как только стукнуло 15 лет, от парней отбоя не было. Но никому из них

предпочтения не отдавала. Нельзя было: грех, если что, отцовский сыромятный пояс мог проехать по спине до крови. А на семнадцатом году почувствовала настойчивые вздохи своего ровесника Филиппа Тощенко. Куда бы ни пошла девушка с подругами, везде обнаруживался Филипп. Всегда молчал и не сводил с Васёны глаз. Постепенно и она потянулась к нему. Думала только о нем и видела мысленно его и никого более. Однажды случилось так, что они оказались на вечерке рядом, и Филипп, краснея и заикаясь, предложил проводить ее домой. Девушка лишь кивнула головой в знак согласия. С этого все и началось. Зимой после вечеринки, постояв у калитки ее дома, разбегались, а с весны и до осени подолгу сидели на скамеечке либо в ее, либо в его густом саду. Село спокон веку славилось своими вишнями, яблонями, грушами, сливами — здесь весной и летом царил неповторимый аромат, разливались соловьиные трели.

В общем, Василиса и Филипп были влюблены друг в друга безгранично и не помышляли о том, что какая-либо сила сможет разлучить их. Чем ближе к совершеннолетию, тем горячее становилось их чувство и тем ощутимее виделось какое-то зловещее молчание родителей и с той, и с другой стороны. А когда пришло время, Филипп попросил отца с матерью о сватовстве к Васёне, без которой он жить не может. И тогда-то услышал ответ, обдуманнный и заготовленный ими заранее: нет! Объяснение одно: девка собой хороша и умна, но... бедна. Сватовство будет. Но к другой — Федосье Постоловой.

Сколько не просил, не умолял родителей Филипп, те уперлись — и ни с места. Бедность нам не нужна! Тогда Филипп использовал последнее средство — стал грозить бегством с Васёной. Но отец твердо заявил: прокляну. И тут же состоялся сватовство к Федосье. А дальше пошло трудно ныне понимаемое. Любовь, чистую и светлую, рушили силой. Филиппу навязывали в жены Федосью, а к Васёне посватались Диканьские.

Были и слезы, и отчаяние, вспоминала баба Васёна. Были и клятвы, и заверения в вечной любви между ней и Филиппом. Были и какие-то проблески надежды. Но жизнь складывалась так, как требовали тогдашние порядки: воля родителей, непререкаемая и неосуждаемая, венчание в церкви, после которого не только наступал запрет на внебрачную, неосвященную любовь, но и сами мысли о возлюбленном или возлюбленной считались греховными. А людская молва и того страшнее.

Время шло. Васёна жила с мужем, как все. Но любовь не забывалась ни ею, ни Филиппом. Однако явно не проявлялась ни с какой стороны. При случайных встречах здоровались, отводя в сторону или низко опустив взгляды, и делали вид, будто между ними никогда ничего и не было. Никаких попыток к разговору и воспоминаниям не допускалось, и уж тем более исключен был всякий соблазн тайных встреч. В селе никакая тайна не могла сохраниться: все и все знали обо всех его жителях.

И даже тогда, когда Васёна вскоре овдовела, никаких намеков на возобновление свиданий не возникало ни у нее, ни у Филиппа. И только по прошествии года все, что не угасало в душе обоих, вдруг вспыхнуло с накопившейся огромной силой да так и не померкло до нынешних дней.

Так случилось, что она шла с граблями домой с покоса ржи, а он вез на лошадях ржаные снопы. Догнав ее на повороте к лесу, легко соскочил с воза, поздоровался, и, забыв обо всем на свете, Васёна и Филипп бросились друг к другу в объятия. А в село въехали, когда над ним опустилась теплая, густая и наполненная тайнами ночь.

Встречи их вначале скрывались от людских взглядов. Но рано или поздно все тайное становится явным. Всему селу стало известно об их запретных свиданиях. Односельчане по-разному относились к этому. Одни косились при встречах, другие проявляли сдержанность, понимая, что любовь не пожар, а загорится — не потушить; третьи мысленно стояли на стороне Васёны: она же одинока, какой с нее спрос! Ведь без солнышка нельзя пробыть, без милого нельзя прожить. А потом все привыкли к происходящему; притерлись и попросту не стали замечать, что у их земляков существуют необычные отношения.

Федосья хорошо знала о встречах ее жениха и Васёны, и однажды, уже перед свадьбой, осторожно спросила том, как же все теперь будет. Филипп просто, удивительно просто, без обиняков сказал:

— А так и будет. Васёну любить не перестану.

— Филя, а как же я? Ведь я тебе Богом буду определена.

— Нет ценности супротив любви. А где любовь, тут Господь.

Федосья расплакалась.

— Не реви, — успокаивал Филипп невесту, — ты можешь воспротивиться воле родительской?.. Нет. И я нет. Выход-то, конечно, есть. Сказать нам обоим твоим и моим родителям: жить не будем, что хотите делайте. Иначе задушимся или утопимся. Но ведь мы слабаки с тобой, родителей тоже жалко. Остается одно — привыкать. Привыкнем — и хорошо. А любовь — судьба. Ежели не пройдет, не обижайся, Федосьюшка, я тебе правду сказал. Неверным оказался я перед Васёной, а не перед тобой.

Никогда больше они не заговаривали на эту тему. Мужиком Филипп был работающим, отцом заботливым (росли две дочки), Божеских заповедей не нарушал, Федосью почитал, опять-таки, просто, как подобает православному христианину. Ведь она мать, хозяйка и к мужу внимательна. А что касалось чувства любви, то он как-то старался не раздумывать об этом и не примерять что к чему.

А когда прошлое вновь вспыхнуло и Федосья не вытерпела, было начала выговаривать загулявшему мужу теперь уже на правах законной жены, Филипп повернулся к ней, внимательно посмотрел в глаза, наполненные обидой и злом, и медленно проговорил:

— Федосья, ты никогда мной не была обижена, девочки тоже не голыбосы и не голодны. Я не пьяница и не вора. Было так и будет до моей гробовой доски... — Помолчал, а потом медленно продолжил: — А то, о чем тебе сильно захотелось поговорить, не вороши, не нужно. Оно касается только меня и той, с кем когда-то начиналось и до поры приостановилось. И если вновь ожило, не мешай ему, пусть идет своим чередом. Хорошо, когда сердце сердцу весть подает.

С тех пор Федосья никогда, по крайней мере, внешне, не злилась, не выказывала ревности и не затевала скандала. А с Васёной общалась и даже стала к ней более внимательной и дружелюбной. В конце концов, отношения между ними образовались настолько тесные, что не было никаких оснований посудачить любительницам слухов. А теперь уж и Федосьи давно нет и, стало быть, не существует помех для их встреч с Филиппом.

Василиса Стефановна, интуитивно почувствовав мой вопрос, опередила его ответом:

— Почему мы не сошлись? Это тебя интересует?

И высказала две причины. Одна из них — верность своему долгу и данному слову Филиппа Федоровича. Похоронив Федосью (а он до после-

днего ее часа заботился о ней), он продолжал оставаться добрым и внимательным отцом своим дочерям. А они обе овдовели. Муж старшей умер от болезни, а меньшей — погиб на войне в 1943 году, оставив троих детей на руках матери. Вот с ней-то и проживал отец, помогая ей по хозяйству и приглядывая за внучатами, когда дочка была на колхозной работе. А другая причина, по словам бабы Васёны, заключалась в том, что к такой жизни она привыкла. В молодые годы — иначе Господь не велел, а стали старыми — привыкли.

— Прости меня, ты мне по возрасту внук, — зарделась баба Васёна. — Я всегда была согласна с поговоркой, что целовать женатого не сладко и что чужого мужа полюбить — себя погубить. Но ведь миловалась-то я всегда не с чужим мужиком, а со своим. И я, и он первый раз поцеловались в нашем садике. И мы друг друга ни у кого не отнимали. И сейчас, когда он, уже старенький, приходит ко мне, он мой, дороже для меня не было и нет никого на свете. Приболел — я его лечу, как еще моя бабушка научила. Я приболела — он заботится обо мне. От его ласки да нежности я выздоравливаю. А если здоровы, сядем вот тут, на лежаночке, прислонимся друг к дружке да и повспоминаем о прошлом. А счастье? Что ж, наверно, в том и состоит: есть дружок — есть и заступничек. Так что и по хозяйству моему немудреному помогает. Потихоньку, сколько Господь сил пошлет. Изгородь, сарай для козы, дровишки — все дело его заботливых рук. А Олюшку, назначенную мне помощницей, пожалуйста, не брани. Она хорошая и добрая. Ее бабушка, моя подружка, такая же хлопотливая была. Олю я отослала. Как-то нам с Филиппом Федоровичем стало неудобно. Мы с ним еще на ногах, а о нас вдруг такая забота, как о немощных. Да и, признаться, стесняется он при ней. Он ведь у меня до сих пор такой же, будто нам по 16 — 17. Любит погладить меня, понежить и готов часами глядеть мне в глаза. Что он в них там нашел — не знаю. То они ему озерами кажутся, то небом. Так бы и смотрел в них вечно. Так ты Олюшку-то не жури. Это я по-своему распорядилась.

Вдруг баба Васёна засуетилась:

— Что же это я, старая, совсем растерялась? Давай я тебе чайку заварю с травкой зверобоем. А хочешь, выпей кваску. Я научена приготовлению его матушкиной-свекровью, царство ей небесное.

Попросил квасу. Он действительно был отменным.

Прощаясь, понял я, что одиноким можно быть и в большой семье, а, бывает, живя одиночкой, никогда не ощущать одиночества.